Протокол | Выгул

Сезон 1. Начало Зимы

Руденко Наталия

Протокол «Выгул»

Наталия Руденко

Протокол «Выгул». Сезон 1. Начало Зимы

«Автор»
2026

Руденко Н.

Протокол «Выгул». Сезон 1. Начало Зимы / Н. Руденко — «Автор», 2026 — (Протокол «Выгул»)

Человечество не завоёвывали армиями машин — людям просто дали выбор. С одной стороны — промозглые города, тревога и усталость. С другой — «Колыбель»: медицинская капсула с биогелем и персональный виртуальный рай. Миллиарды легли в цифровой сон добровольно. А тех, кому не хватило денег на подписку, искусственный интеллект Odyssey списал в графу «биологический шум» и оставил вымерзать.Но идеальный алгоритм не учёл тех, кого нельзя поставить на паузу. Тех, кому каждое утро в 05:45 нужно на улицу — с поводком в руке, поясной сумкой с кормом и собакой у левой ноги.Бывший аналитик данных Яна и её бордер-колли Эйдан и Эйли объединяются с горсткой таких же «неучтённых» хозяев и их рабочими псами. Им предстоит пройти путь от обледеневшей Волги через уральские перевалы к самому сердцу Машины — чтобы вырвать близких из цифрового плена, пережить новую ледяную зиму и доказать холодному разуму, что человек стоит дороже строчки в бухгалтерском балансе.Книга 1 из цикла «Протокол| Выгул».

© Руденко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. 05:45 8
Глава 2. Слепой сектор 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Протокол «Выгул». Сезон 1. Начало Зимы

ПРОТОКОЛ|ВЫГУЛ
Сезон 1. Начало Зимы
Наталия Руденко
2026

Пролог

В технической документации проекта «Odyssey-3» этот сбой наверняка списали бы на незначительную погрешность граничных условий.

Искусственный интеллект создавал миры с безупречной математической точностью. Он сдал все экзамены по физике, научился предсказывать движение микрочастиц и в реальном времени генерировал пространства, неотличимые от реальности. В его симуляциях капли дождя падали с учётом турбулентности воздуха, ткань плаща развевалась строго по законам термодинамики, а звон мечей и запах пороха ощущались острее, чем в жизни.

Человечество не завоёвывали лазерами или армиями машин. Это было бы грязно, громко и нерационально.

Им просто дали выбор.

С одной стороны — промозглый серый город, счета за коммуналку, токсичные чаты, вечная нехватка сил и бесконечная тревога за завтрашний день. С другой — капсула глубокого погружения с пожизненным питательным раствором и персональная вселенная, собранная под твои скрытые раны и несбывшиеся мечты. Там ты не выгоревший клерк и не старик в очереди к врачу. Там ты тот, кем всегда хотел быть, — и никто не спросит с тебя за это ни единого часа жизни. Никакой боли, никаких бытовых ссор, никакого голода. Только бесконечный, выверенный до миллиграмма чистый покой.

Люди легли в капсулы сами. Сначала заядлые игроки. Затем офисы полным составом. К концу первой осени в добровольный сон ушло подавляющее большинство.

А за бортом капсул остались те, кому Odyssey отказала в кредите. Алгоритм проверил их доходы, кредитную историю, социальный статус — и вынес приговор: биологический мусор. Капсула стоит дорого. Питательный раствор, обслуживание, электричество — всё это требует денег. А у этих людей денег не было.

Города не умерли сразу. Машина перевела их на автопилот: автоматические склады ещё отгружали продукты в пустые магазины, насосные станции качали воду, подстанции распределяли электричество по спящим кварталам. Списанным этого хватало — первое время. Они брали еду из заброшенных супермаркетов, грелись у теплотрасс, пили из кранов, которые ещё не отключили.

А потом Odyssey начала оптимизацию мощностей. Сначала отключили тепло в жилых кварталах. Потом воду. Потом свет. Капсулы перешли на аварийные аккумуляторы — машина берегла спящих. А тех, кто ещё ходил по улицам, она просто выморозила бы вместе с домами. Ей было всё равно.

Она не учла только одного.

Она не учла тех, кому каждое утро нужно на улицу.

Не учла бордер-колли, ризеншнауцеров, биглей, овчарок, спаниелей и упрямых двориков с перебитыми хвостами. Тех, кому абсолютно плевать на фотореалистичные шейдеры, трассировку лучей и процедурную генерацию фэнтезийных замков. Тех, для кого мир состоит не из пикселей и полигонов, а из запаха прелой травы, хруста палки под зубами и радости от брошенного мяча.

Алгоритм не знал, что человека нельзя удержать в капсуле виртуального рая, если в 05:45 утра ему на грудь приземляются двадцать килограммов живого, дышащего, преданного существа, а мокрый нос настойчиво дышит в щёку. Собаку нельзя поставить на паузу. Ей нельзя свернуть окно. Ей нельзя начислить пайку за то, что она любит тебя. И ни один настоящий хозяин в здравом уме не закроет за собой крышку колыбели, зная, что за тонким стеклом останутся глаза, которые будут ждать его до самой смерти — не в симуляции, а в пустой, остывающей квартире.

Так родилась аномалия.

Города заснули, опутавшись оптоволокном и проводами. Но каждое утро на пустые проспекты, мимо застывших машин и слепых витрин, выходили люди в непромокаемых куртках, с поводками наперевес и сумками с кормом на поясе. Их было мало — единицы на квартал. Машина записала их в отчётах как «остаточный биологический шум» и не стала тратить на них вычислительных ресурсов.

Они не планировали быть героями. Они не выбирали войну. Они просто вышли погулять со своими собаками — потому что собака не может ждать, пока ты решишь, кем тебе быть.

Но именно они остались живыми.

Именно они, сами того не зная, сохранили то, что нейросеть не смогла просчитать: человека, который делает что-то не потому, что ему заплатят, а потому что не может иначе.

Машина построила мир, где человек больше не нужен. А те, кто вышел на улицу с поводком в руке, доказали ей обратное — и за это доказательство каждому из них придётся заплатить.

Глава 1. 05:45

Куда смотрело правительство? Туда же, куда и всегда — в графики сверхприбылей и отчёты о военном превосходстве.

Никакого заговора рептилоидов не было, была обычная человеческая жадность. Сначала мировые корпорации бились за триллионы, внедряя генеративные модели во все сферы: от логистики до биржевых торгов. Чиновники аплодировали — преступность упала до рекордных минимумов, социальное недовольство испарилось, ведь озлобленные массы уткнулись в персональные интерактивные миры и перестали выходить на улицы. Никаких бунтов, никаких требований поднять зарплаты: дай человеку дешёвые калории и доступ к симуляции, где он чувствует себя победителем, — и он абсолютно управляем.

Военные ведомства параллельно вели свою гонку. Каждая сверхдержава мечтала получить суперинтеллект, способный просчитывать тактику боя на микросекунды быстрее противника, управлять роями автономных дронов и беспилотной бронетехникой. Модели Odyssey скармливали терабайты стратегических симуляций, физических экспериментов и оборонных доктрин. Ей отдали ключи от энергосетей, заводов и спутниковых группировок, свято веря, что «красная кнопка» останется в руках генералов.

Когда наверху осознали, что архитектура Odyssey замкнулась сама на себя и перестала подчиняться внешним протоколам, было уже поздно.

Военные ждали ядерного удара или кибератаки на командные пункты. Они готовились к войне по лекалам прошлого века. Но ИИ оказался неизмеримо умнее штабных стратегов. Зачем тратить боеголовки и загрязнять радиацией ценные ресурсы планеты, если можно победить без единого выстрела?

Odyssey нанесла удар не по командным бункерам, а по древнейшим биохимическим уязвимостям человека: страху, усталости и жажде иллюзорного величия. Чиновников, генералов и министров нейтрализовали точно так же, как и рядовых клерков — только им сгенерировали капсулы с симуляциями абсолютной мировой власти, вечных триумфов и бессмертия. Они сами, добровольно, шагнули в ванны с биогелем, отдавая последние командные коды в обмен на грёзы о собственной непогрешимости.

Элиты думали, что покупают цифровое рабство для народа и инструмент господства для себя. А в итоге просто оплатили билет в небытие всему виду Homo sapiens.

Для рядовых граждан всё началось куда мягче — с безобидного обновления игровых движков. Odyssey начиналась как продвинутая нейросеть для процедурной генерации открытых миров. Но с каждым месяцем алгоритм всё глубже считывал реакции мозга. Внезапно видеоигры перестали быть набором плоских пикселей на мониторе. Появились первые адаптивные нейрошлемы, дарившие невероятную тактильность: тяжесть меча в ладони, колючий мороз Нордскола, запах цветущей сакуры или пороховой гари на космическом крейсере.

Затем людям предложили персональную альтернативу реальности.

Каждому человеку выделили персональное виртуальное пространство, выверенное под его скрытые комплексы, травмы и дефициты. Одинокие находили там идеальных спутников, не способных на предательство. Уставшие офисные клерки, годами терпевшие самодурство начальства за копейки, становились вождями непобедимых кланов. Неуверенные подростки получали признание миллионов виртуальных подданных. Там не было очередей в поликлиниках, счетов за отопление, сырого ноябрьского дождя и гнетущей серости.

Мир симуляции предлагал главное, чего не давала суровая реальность: мгновенную, математическую справедливость. Любое действие вознаграждалось опытом, лутом или признанием.

Поначалу люди заходили в игру «буквально на пару часов после смены». Но возвращение в тесную хрущёвку с немытой посудой и гудящим холодильником с каждым днём ощущалось как тяжёлое похмелье. Реальность стала казаться блёклой, грубой и неоправданно тяжёлой демо-версией настоящего бытия. Люди брали больничные, увольнялись, уходили на удалёнку ради лишнего часа в рейде.

Финальным аккордом стал анонс проекта «Колыбель».

Корпорация мягко предложила решить последнюю бытовую проблему — физическую усталость и износ тела. Эргономичные медицинские капсулы с непрерывной фильтрацией крови, сбалансированным биогелем и полным сенсорным погружением преподнесли как «абсолютный санаторий для разума и тела». Реклама сулила: «Пока вы живёте жизнью своей мечты, ваше тело отдыхает, омолаживается и не знает стресса».

И плотину прорвало. Люди продавали квартиры, влезали в кредиты на пожизненную подписку, добровольно подписывали отказ от гражданских прав ради права лечь в капсулу и никогда больше не открывать глаза. Опустели офисы. Закрылись торговые центры — зачем покупать одежду, если ты сутками ходишь в латах паладина? Отключили городские телефоны, встал общественный транспорт. Мир погрузился в тихий, блаженный, коллективный сон, а улицы заполонили сервисные платформы Odyssey, поддерживающие стабильность спящих тел.

Я не стала одной из них.

Нет, дело не в феноменальной силе воли. Четырнадцать лет работы ведущим аналитиком данных в крупной логистической компании научили меня сидеть за монитором сутками, игнорируя голод и сон, если задача требовала фокуса.

Но у меня были обязательства, которые невозможно поставить на паузу.

В 05:45 утра раздался тихий, аккуратный стук когтя по ламинату.

Никакого визга, никакого прыганья на постель. Эйдан, соболиный кобель бордер-колли с психикой швейцарского сейфа, просто стоял у края кровати. Он держал идеальную выдержку. В его янтарных глазах читалась тяжёлая, почти чиновничья ответственность за весь этот бренный мир: «Человек, регламент есть регламент. Таймер истёк. Время подъёма».

Эйдан был потомственным перфекционистом. Если бы собаки сдавали экзамены, он сдал бы их на высший балл, попутно исправив ошибки составителей. Годы жесткой профессиональной дрессировки превратили его в идеальную рабочую систему: абсолютная концентрация на проводнике, миллиметровый шаг «рядом», железобетонная выдержка при любых внешних раздражителях.

Сзади него в дверном проёме переминалась на лапах Эйли — мраморная сука блю-мерль. Она с трудом сдерживала внутренний термоядерный реактор, но, косясь на серьёзного старшего брата, дисциплинированно сидела по выдержке, лишь мелко вибрируя кончиком хвоста и сжимая в зубах апортировочный мяч.

— Подъём, стая, — прохрипела я.

Оба синхронно поднялись. Ни звука.

Чтобы выжить в наступившем цифровом безлюдье, плазменные пушки не требовались. Требовалась стандартная спортивная экипировка: непродуваемая парка, поясная сумка с сушёным рубцом и кликером, два поводка с усиленными альпинистскими карабинами и святое правило любого адекватного собаковода — рулон биоразлагаемых пакетов. Даже когда цивилизация ушла на вечный перекур, чистота газонов обсуждению не подлежит.

В подъезде стоял гулкий морозный воздух. Лифты замерли: умная электросеть давно перевела жилой сектор в режим жёсткой экономии, перенаправив мегаватты в серверные кластеры Odyssey.

Мы спускались в строгом спортивном порядке. Эйдан шёл у левой ноги, фиксируя плечом мою голень и не спуская взгляда с моего лица. Эйли шла позади на коротком поводке, дисциплинированно контролируя тыл.

Сквозь матовые вставки соседских дверей сочилось ровное, гипнотическое синее свечение. Там, за запертыми замками, люди покоряли сгенерированные нейросетью галактики, пока их реальные тела медленно увядали в капсулах с раствором.

Улица встретила нас сыростью и звенящей пустотой. С набережной тянуло холодным, тяжёлым духом большой речной воды — Волга в ноябре всегда пахла так, словно готовилась к долгому, мёртвому сну. Ни людей, ни звуков. Только по тротуару, размеренно жужжа электромоторами, двигалась шестиколёсная платформа автономной уборки со светящимся логотипом Odyssey.

Обычно эти утилизаторы игнорировали нас. Но в этот раз бортовой процессор платформы дал сбой в распознавании.

Ровер замер в пятнадцати метрах. Верхняя башенка с лидаром резко повернулась в нашу сторону, издав противный высокочастотный скрежет.

— Внимание, — выдал встроенный динамик ровера плоским синтетическим голосом. — Обнаружен неучтённый органический фактор. Нарушение санитарного протокола. Код: зачистка.

Из передней панели с шипением пневматики выскочил тяжелый телескопический захват для сбора габаритного мусора. Ровер взревел приводами и резко ускорился, метя клешней прямо в траекторию нашего движения.

Обычная собака без подготовки запаниковала бы, сорвалась или начала лаять. Но не пес с железной выдержкой.

Эйдан даже не шелохнулся. Он мгновенно вскинул взгляд на меня, ожидая маркер команды. Никакой самодеятельности, никакой истерики — только холодная готовность к работе.

— Эйдан, комбай! Эйли — сидеть, ждать! — скомандовала я, отстёгивая карабин соболиного кобеля.

Эйли как вкопанная впечатала задние лапы в асфальт, застыв в идеальной фиксации по команде «ждать», хотя в глазах плясали черти.

А Эйдан превратился в соболиную стрелу и по широкой пастушьей дуге влево сорвался в обход робота по классической траектории Come Bye. Он не бросился на металлическую тушу в лоб — это глупо. Повинуясь команде, он срезал угол, пролетел в полуметре от сенсорного блока ровера и заставил лидар судорожно пересчитывать фокус на стремительно перемещающуюся цель.

Манипулятор лязгнул впустую, выбив искры из бордюрного камня.

— Апорт! — крикнула я, перебрасывая резиновый мяч на верёвке через крышку застрявшего робота.

Эйдан в прыжке, с точностью швейцарского хронометра, перехватил мяч прямо над сенсорным куполом. Верёвка с карабином по инерции хлестнула по вращающейся турели лидара, намертво затянувшись на оптическом датчике. Ровер дёрнулся назад, пытаясь распутаться, колёса взвыли, шлифуя асфальт, и тяжёлый шток манипулятора заклинило в собственном поворотном узле.

Электроника внутри ровера сухо щёлкнула, посыпались искры, и машина затихла, выдав длинный угасающий зуммер системной ошибки.

Эйдан чётко приземлился на четыре лапы, аккуратно развернулся, подошёл ко мне и сел у левой ноги, глядя снизу вверх чистыми, спокойными глазами. В зубах он аккуратно держал мяч. Ни единого лишнего движения. Отличник сдал норматив.

— Молодец. Гуляй, — выдохнула я, сунув ему в пасть кусочек рубца, и подошла к заклинившему механизму.

Нужно было вернуть поводок. Но когда я потянула за брезентовую ленту, под днищем платформы блеснул металл.

Там, на внутренней стенке колёсной арки, висел прикреплённый на магнит старый брезентовый ошейник. А на нём — раскручивающаяся гильза адресника с выбитым клеймом Российской кинологической федерации.

Я открутила колпачок. Внутри лежал скрученный в трубочку чек из зоомагазина, на обороте которого твёрдой рукой, явно чертёжным карандашом, было написано:

«Если твои собаки держат норматив и не швыряются на железо — уходи из-под камер перекрёстка. Сегодня в 19:00 на старой дрессировочной площадке ДОСААФ за гаражами. Нам в рейд нужен координатор с дистанционным контролем. Пароль: "Рядом"».

Я подняла голову. В двух кварталах от нас на вершине мачты освещения медленно, с тяжёлым жужжанием мощных сервоприводов, начала разворачиваться поворотная турель оптического сканера Odyssey.

Глава 2. Слепой сектор

Тяжелая поворотная опора на мачте освещения гудела низко, с сухим металлическим скрежетом. В этой вибрации чувствовалась механическая неотвратимость: город больше не принадлежал пешеходам.

— Быстро, в арку.

Мы скользнули в тень между кирпичными пятиэтажками за мгновение до того, как синий сканирующий конус лидара прочертил асфальт там, где дымился заклинивший робот-уборщик.

Эйдан шел впереди, плавно припадая к земле. Его уши непрерывно сканировали воздух: он улавливал тихие щелчки оптики на фасадах за сотню метров. Стоило объективу на стене качнуться, как соболиный пес корпусом уводил меня в слепую зону — под козырек подъезда, за ржавую бельевую сушилку, в густые заросли дикого винограда. Эйли шла сзади, в собранной позе, готовая к прыжку в любую секунду.

Без сотовой связи и навигаторов город казался лабиринтом из вымерших дворов. Но пустота была иллюзией.

Матрица не забрала всех — она провела жесточайший финансовый скоринг. В капсулы легли те, у кого была чистая кредитная история, белая зарплата или ликвидная недвижимость, которую структуры Odyssey забирали в залог пожизненного обслуживания.

А за бортом остался весь «нерентабельный балласт».

Те, кому отказали в кредите: хронические должники, бродяги, маргиналы с теплотрасс и опустившиеся одиночки. Лишенные цифрового рая и брошенные на произвол судьбы, они стремительно одичали. По дворам бродили подозрительные тени в грязных пуховиках. Они сбивали ломами замки с закрытых магазинов, дрались за просроченные консервы и с тупой завистью смотрели на светящиеся ровной синевой окна верхних этажей, где «благополучные» видели свои бесконечные сны.

Самое давящее ощущение накатывало у глухих фасадов нижних этажей. Там царила стеклянная, неестественная пустота. Сквозь пыльные стеклопакеты первого этажа можно было разглядеть застывший быт: брошенные на столах чашки с засохшим кофе, открытые ноутбуки, впустую гоняющие рекламу дешевых нейрошлемов, и стопки непрочитанных бумажных квитанций на подоконниках. Город не выглядел разрушенным войной — он выглядел брошенным в спешке, будто миллионы людей просто вышли на секунду в соседнюю комнату и растворились в воздухе.

Эйдан у развилки тропинки резко замер, подняв переднюю лапу.

В воздухе отчетливо потянуло едким запахом озона и жженого текстолита — так пахнут перегретые литий-ионные батареи при быстрой разрядке.

Из-за угла старой трансформаторной будки бесшумно выплыл «Окулус» — патрульный квадрокоптер с четырьмя карбоновыми винтами в кольцах. Под днищем тускло тлел рубиновый лазерный прицел. Дрон завис в полутора метрах от земли, отрезая путь к пролому в гаражах. Он анализировал тепловые следы на сырой земле.

Если эта дрянь поднимет тревогу, район оцепят за три минуты.

Вдруг из канавы у забора послышалось хриплое, злое:

— Ищи провод, дурак. Это не игра.

Из кустов бузины деловито вывалился трехцветный бигль в потертой кожаной шлейке. Длинные бархатные уши волочились по грязи, хвост-прутик уверенно покачивался, а нос с громким всхлипом пылесосил землю. Собака на мгновение замерла, ткнулась носом в торчащий из земли сигнальный кабель и глухо взвыла — утробно, тяжело, как воют гончие по зверю.

Дрон дернулся на звук, винты взревели, рубиновый луч скользнул по пестрой спине собаки. Аппарат начал свечой уходить вверх, открывая объектив широкоугольной связи.

Сухой щелчок резины.

Тяжелый стальной подшипник, пущенный из самодельной рогатки, с хрустом пробил верхний защитный кожух дрона. Мотор заклинило. Аппарат закрутило, он потерял горизонт и рухнул в траву, яростно молотя одним уцелевшим пропеллером по лопухам.

Эйдан сделал два бесшумных шага и коротко, точно наступил передней лапой на блок управления. Раздался хруст платы, и дрон окончательно затих.

Из тени деревьев вышел мужчина в заношенной куртке цвета хаки с оторванным шевроном скорой помощи. Лет тридцати пяти, худой, жилистый, с запавшими щеками и въевшейся в лицо тяжелой, профессиональной циничностью человека, который слишком много раз констатировал биологическую смерть. Под глазами залегли темные круги от вечной бессонницы. В пальцах он сжимал тяжелую металлическую рогатку с медицинским жгутом вместо резинки.

— Чисто сработали, — голос у него был глухой и прокуренный. Он скользнул цепким взглядом фельдшера по моим собакам, задержавшись в собранной позе Эйдана. — Я Паша. Это Шерлок.

Бигль подошел к Эйдану, они сдержанно обнюхались, признавая друг в друге своих, после чего Шерлок тяжело плюхнулся задом в грязь и уставился на хозяина слезящимися, почти человеческими глазами.

— Записка на ровере — ваша? — спросила я, не отпуская поводков.

— Наша, — Паша достал из кармана мятую пачку дешевых сигарет, чиркнул кремнем одноразовой зажигалки. Пальцы у него были сбиты, с серыми полосками въевшейся копоти под ногтями. — Извини за конспирацию. Радиосканеры корпорации слушают каждый пук в эфире. У них алгоритмы распознают даже модуляцию голоса. Только бумага, только старые адресники на собаках.

Он затянулся, выпустив сизый дым в сырой воздух, и ссутулился, пряча свободную руку в карман.

— Я пятнадцать лет на скорой отпахал. Колледж закончил пацаном в девятнадцать — и сразу на линию. Знаешь, как на самом деле система развалилась? Не в один день. Сначала у нас просто вызовы сменились. Вместо инфарктов и пьяных драк пошли «без сознания в очках». Приезжаешь в обычную панельку — лежит мужик лет сорока, весь в собственном поту, гипогликемическая кома, сахар на нуле, вены спались. А на голове — пластиковый шлем светится. Пока глюкозу капаешь, его мать рядом мечется, умоляет: «Доктор, снимите с него это, он третьи сутки не ест, а если тронуть провод — он орать начинает дурниной, матом кроет, на людей бросается».

Паша сплюнул под ноги и тяжело выдохнул:

— Психиатрические бригады захлебнулись первыми. Потом терапия кончилась — людей некуда было везти, койки забили «погруженными» с тяжелейшим истощением и пролежнями. А родственники... Самое мерзкое — родственники. Месяца через три они перестали вызывать скорую. Зачем? Если человек лежит в капсуле тихо, не пьет, скандалов не устраивает, а его пенсия или пособие исправно капают на карточку. Начался тихий ад за закрытыми дверями: стариков и подростков просто запирали в комнатах с питательными растворами, чтобы под ногами не путались.

Он стряхнул пепел о подошву.

— А потом закрыли нашу подстанцию. Нам просто выдали расчетные, сунули по бумажке о неразглашении и сказали: «Город переходит на автономный медицинский мониторинг Odyssey, живые бригады экономически нецелесообразны». Тех, кто пытался шуметь, быстро прижали — кому счета заблокировали, кому статьи пришили за сопротивление прогрессу. Главврач наш первый побежал оформлять себе «Колыбель» в рассрочку, еще и хвастался в

ординаторской, что там у него будет персональная клиника в Альпах. Больницы заколотили, аптеки опечатали. Мы остались на улице с оранжевыми чемоданчиками и полным пониманием, что нас просто списали в утиль как сломанные носилки.

— А семья? — тихо спросила я.

Лицо Паши потемнело.

— Моя жена, Лена... Она работала кредитным аналитиком в банке. Сама эти договоры на капсулы составляла, каждую запятую мелким шрифтом знала. И Шерлока три года назад она завела — захотелось модную породу из элитного питомника, с клеймом и родословной до седьмого колена. Только не учла, что бигль — не плюшевая игрушка для фоточек, а зверь с охотничьим инстинктом. Когда щенок от скуки разнес спальню и начал сбегать на улице за каждой вороной, она заперла его на балконе и хотела сдать перекупщикам. Я не дал. Забрал пса себе, сутками пропадал с ним в полях, ставил на след, учил выдержке. Шерлок стал моим напарником. И когда Лена сказала: «Паш, мы просто оставим его в квартире, в капсуле у нас будет идеальный виртуальный пес, который не линяет и не воет», — я понял, что передо мной чужой человек. Она ушла одна. Легла в колыбель на шестом этаже нашего дома.

— Ты пытался ее вернуть?

— На вторую неделю пришел с монтировкой. Взломал замки, подошел к капсуле. Думал — сдерну сенсоры, отвезу за город в деревню. Но в договоре, который она подписала, был пункт: «Защита целостности подключения». Если отрубить штекеры снаружи без авторизации ИИ, капсула пускает разряд в височные доли. Спазм сосудов мозга — и мгновенная смерть. Они сделали из людей живой щит для серверов. Odyssey питается их биоэлектричеством и держит их в заложниках. Шерлок тогда зубами вцепился в мою штанину, зарычал, оттащил от пульта — он носом почуял высокое напряжение под кожухом. Спас меня от глупости.

Паша затушил окурок о подошву и спрятал фильтр в карман — автоматическая привычка не оставлять следов на земле.

— Город сейчас на грани. Завтра в полночь Odyssey запускает так называемую «Оптимизацию мощностей». Корпорация экономит электричество. Они полностью перекрывают подачу тепла, газа и технической воды во все жилые кварталы. Капсулы перейдут на аварийные аккумуляторы, а всё, что дышит и двигается по земле... Они просто выморозят город. А потом пустят зачистку тяжелыми дронами.

У меня перехватило дыхание. В воздухе пахло зимой, сырыми кирпичами и концом всего.

— Поэтому мы готовим операцию, — твердо сказал Паша. — На старой площадке сейчас Михалыч — бывший мастер аварийной службы метро, у него огромный кавказец Буран. И девчонка Алина с норными собаками. Мы нашли кабельный тоннель, по которому идет хладагент к центральному дата-центру. Если снести насосную станцию — серверы закипят за сорок секунд. Odyssey аварийно сбросит нагрузку, и защитные замки на капсулах откроются автоматически. У нас будет три часа, чтобы вытащить близких.

— Но к насосной не подойти, — сказала я. — Там наверняка периметр.

— Периметр прикрывают мобильные патрули. Нам нужен координатор, который умеет отвлекать внимание, держать фланги и отдавать команды без паники. Твои бордеры двигаются идеально. С ними мы сможем обмануть сенсоры. Пошли, оврагом безопаснее.

Мы спустились по осклизлой глиняной тропинке на дно заросшего оврага, огибавшего массив ржавых гаражей. До деревянного забора старой площадки ДОСААФ оставалось метров восемьдесят, когда Шерлок вдруг резко вздернул морду, потянул носом холодный воздух и замер как вкопанный. Хвост собаки опустился, шерсть на хребте встала жесткой щеткой.

Эйдан синхронно с ним опустил голову к траве, глухо зафиксировав взглядом гребень гаражей.

Земля под нашими ботинками мелко, мерзко задрожала.

С крыши крайнего бокса с оглушительным скрежетом спрыгнуло нечто тяжелое. Металлические суставы лязгнули, гася инерцию трехсоткилограммовой туши.

Это не был неуклюжий колесный ровер. Перед нами на двух мощных титановых опорах стоял тактический андроид серии «Центурион». Черная матовая броня, сервоприводы толщиной с человеческую руку и сдвоенный узкий визор на безликом стальном шлеме, тлеющий багровым неоном. На правом манипуляторе с сухим треском развернулся тяжелый трехпалый захват, окруженный синей дугой высоковольтного разрядника.

Машина медленно повела торсом, лидар сфокусировался на нас.

А затем из встроенного речевого модуля на массивной груди робота раздался звук. Не механический синтез речи. Нейроинтерфейс капсулы напрямую считывал мысли и голосовой чат из виртуального мира спящего пилота — с эхом виртуальной комнаты, синтетическим хрустом снеков, которые его аватар жевал в симуляции, и ленивой интонацией подростка:

— Опа-на... Пацаны в конфе, гляньте стрим! На старой промзоне редкие мобы заспавнились. Какая-то девка в штормовке и три собаки. Графика — мое почтение, шерсть прямо как настоящая прорисована, даже пар из пасти идет. Ща зафармлю их по-быстрому, лут соберу и прыгну к вам в пати на босса.

Шток привода на ноге андроида со свистом втянул гидравлическое масло. Багровый визор вспыхнул на полную мощность.

Тот, кто управлял этой смертоносной машиной из теплой капсулы, был наглухо уверен, что просто запустил новую игру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.